

Картинка в доме

Искатели острых ощущений посещают странные и весьма далекие места. Для них были созданы катакомбы Птолемеев и украшенные резьбой мавзолеи в глубине полудиких стран. Они взбираются при свете луны на развалины рейнских замков и отважно спускаются по черным, поросшим лишайником ступеням в каменные останки давно забытых азиатских городов. Заколдованный лес и одинокая гора посреди пустоши — их святыни, и они надолго задерживаются возле зловещих монолитов на необитаемых островах. Но подлинными ценителями грозных опасностей, для которых очередное потрясение при созерцании неопишимо отвратительного зрелища — вожделенный финал, увенчивающий долгие поиски, пожалуй, превыше всей этой экзотики оценят древний и одинокий фермерский дом где-нибудь в провинциальной глуши Новой Англии, ибо в таком месте темные элементы потаенной силы, гнетущего одиночества, гротескной вычурности и дремучего невежества сливаются для создания изумительной мерзости.

Самыми зловещими бывают именно маленькие некрашенные деревянные домики поодаль от проезжих дорог, обычно притулившиеся на сыром травянистом склоне или прислонившиеся к гигантскому обнажившемуся каменному пласту. Двести, а то и более лет назад они уже были покосившиеся или приземистые, и лоза оплетала их стены, а деревья простирала над их крышами ветви. Сейчас они почти незаметны

среди безудержного буйства зелени и замаскированы тенью, но их окна, из множества мелких застекленных секций, по-прежнему поглядывают тревожно, словно подмигивая сквозь мертвящее оцепенение, защищающее разум от помешательства, притупляя воспоминания о неописуемых событиях.

Многие поколения в таких домах жили странные люди, подобных которым свет не видывал. Вedomые мрачной и фанатичной верой, отдалившей их от остальных людей, их предки искали самые глухие места, желая обрести там свободу. В подобных местах потомки этих свободолюбивых искателей и в самом деле росли в полной свободе, не обремененные ограничениями и тяготами своих сверстников, но попадали в рабские оковы мрачных фантазий их собственного разума. Вдали от света цивилизации сила этих пуритан направлялась порой по весьма странным каналам, и в своей изоляции, в своем болезненном самоограничении и борьбе за жизнь с безжалостной природой они подчас перенимали самое темное и загадочное из доисторических глубин обитателей холодных северных краев. По необходимости практичные и суровые по складу характера, эти люди не были прекрасны в своих грехах. Ошибаясь, как и все смертные, они понуждались их строгими религиозными догмами найти тайное убежище от всего этого, и потому со временем все меньше осознавали, что именно старались скрыть. Только молчаливые, сонные, пугливо глазающие окнами домики в захолустье могли бы поведать, что именно скрывается с давних времен, но обычно они неразговорчивые, не желающие стряхивать с себя дремоту, помогающую им забыть былое. Иногда даже кажется, что милосерднее будет вообще снести эти домики, ибо они часто погружены в грезы.

Именно в таком вот сокрушенном времени строения я оказался в ноябре 1896 года, когда разразившийся во второй половине дня холодный проливной дождь вынудил меня искать хоть какое-то убежище. Я уже несколько дней путешествовал по сельской местности Мискатонской долины в поисках кое-какой генеалогической информации, а поскольку

Картинка в доме

интересовавшие меня места в основном располагались вдали от дорог и были труднодостижимы, то, несмотря на позднюю осень, путешествовал я на велосипеде. Желая добраться до Аркхема кратчайшим путем, я оказался на старой и, по всей видимости, заброшенной дороге, и когда вдали от населенных пунктов меня застигла гроза, в поисках убежища я наконец наткнулся на древнее и неказистое деревянное строение неподалеку от основания каменистого холма, щурящееся мутными окнами из-за двух огромных, уже облетевших вязов. Даже издали, как только я заметил его от дороги, это строение произвело на меня неприятное впечатление. Порядочные и благопристойные дома не смотрят на путешественника так лукаво и в то же время завораживающе, а кроме того, благодаря генеалогическим изысканиям я был знаком с местными преданиями, настраивающими против посещения подобных мест. Однако гроза оказалась сильнее предрассудков, и вскоре я уверенно крутил педали вверх по пологому склону в сторону запертой двери, наводящей на мрачные мысли и в то же время манящей.

На первый взгляд мне показалось, что дом заброшен, однако по мере приближения к нему я был все меньше в этом уверен, ибо хотя ведущая к нему тропинка заросла травой, вид ее наводил на мысль, что ею изредка пользуются. Поэтому я не стал решительно тянуть на себя ручку двери, а осторожно постучался, ощущая внутреннее волнение, которое едва ли мог объяснить. Ожидая возможного ответа на грубом, спросив мхом камне, служившем своего рода порогом, я посмотрел на ближайшие окна, затем поднял взгляд на оконце над дверью и обратил внимание, что стекла в них грязные и старые, но не разбиты. Значит, дом все еще обитаем, хотя и удален от дороги и имеет заброшенный вид. Однако на мой стук так никто и не ответил, я постучал снова, а потом потрогал заржавленную щеколду и обнаружил, что дверь не заперта. За ней оказалась маленькая прихожая, со стен которой осыпалась штукатурка, а изнутри дома доносился странный неприятный запах. Я вошел, неся в руке велосипед, и закрыл

за собой дверь. Прямо передо мной узкая лестница уходила вверх, к маленькой двери, ведущей, наверное, в мансарду, тогда как справа и слева от меня располагались закрытые двери, ведущие в комнаты.

Поставив велосипед к стене, я открыл левую дверь и оказался в небольшом помещении с низким потолком, куда свет едва проникал сквозь запыленные окна, обставленном скудно и самым примитивным образом. Похоже, это было нечто типа гостиной, поскольку здесь стояли стол и несколько стульев, а кроме того был огромный камин, на полке над которым тикали старинные часы. Книг и газет было мало, а названия их при таком освещении я разобрать не смог. Но прежде всего я обратил внимание на царившую в доме атмосферу старых времен, проступавшую буквально в каждой детали. В большинстве домов в этих краях я замечал разнообразные реликвии прошлого, но здесь любовь к старине казалась доведенной до своего предела, ибо я не обнаружил ни единого предмета, относящегося к периоду после войны за независимость. Не будь обстановка здесь такой скромной и невзрачной, это был бы рай для собирателя старины.

Осматривая это странное жилье, я ощущал все более сильную антипатию, зародившуюся во мне уже при первом взгляде на унылое строение. Я никак не мог определить, что это, неприязнь или, может, потаенный страх, но отчетливо ощущал во всей атмосфере мрачность и грубую порочность старины, некие тайны, о которых давно следовало бы забыть. Садиться мне почему-то не хотелось, и потому я начал бродить по комнате, осматривая те предметы, на которых останавливался мой взгляд. Первым таким предметом оказалась книга средних размеров, лежавшая на столе и имевшая настолько древний вид, что казалось, будто ее взяли из какого-нибудь музея. Издание в кожаном переплете с металлическими уголками и прекрасной сохранности казалось неуместным в таком примитивном помещении. Когда я открыл ее и увидел титульный лист, мое изумление возросло многократно, ибо это оказалось не что иное, как редчайшее описание

Картинка в доме

Пигафетты района Конго, написанное на латыни на основе воспоминаний моряка Лопеса, изданное во Франкфурте в 1598 году. Мне часто доводилось слышать об этой книге, снабженной крайне любопытными иллюстрациями, выполненными братьями Де Брай, и потому я на какое-то время совершенно забыл про беспокойство и принялся листать ее. Гравюры действительно оказались весьма интересными, основанными на фантазии и небрежных описаниях; туземцы на них были с белой кожей и характерными для европейцев лицами; вероятно, я не скоро бы закрыл эту книгу, если бы не одно странное обстоятельство, задевшее мои усталые нервы и оживившее ощущение непонятого беспокойства. Эта книга непонятно почему норовила раскрыться на одном и том же месте, а именно на иллюстрации XII века, где в омерзительных подробностях была изображена мясная лавка каннибала королевства Анзику. Я даже устыдился своей неприязни к какой-то заурядной картинке, однако иллюстрация эта все же вызывала у меня беспокойство, особенно потому что к ней прилагалось что-то типа справки по гастрономическим пристрастиям каннибалов.

Я обратил взгляд к книжной полке и осмотрел ее скудное содержимое: Библия XVIII века; «Путешествия пилигрима» примерно того же периода, с вычурными гравюрами и изданные составителем альманахов Исайей Томасом; заметно подпорченный громадный том «Magnalia Christi Americana» Коттона Матера и еще несколько книг тех же времен, а затем мое внимание привлек внезапный звук шагов в комнате наверху. Поначалу изумившись, поскольку никто не ответил на мой стук в дверь, я вскоре решил, что хозяин дома, скорее всего, только что очнулся после долгого сна, и уже с меньшим удивлением слушал поскрипывание ступеней. Поступь спускавшегося по лестнице человека была тяжелой и в то же время какой-то настороженной, что мне особенно не понравилось. Войдя в комнату, я инстинктивно запер за собой дверь. После недолгой тишины, пока хозяин, очевидно, осматривал мой оставленный в прихожей велосипед, послышалось звяканье

щеколды, а затем дверь в гостиную стала медленно открываться.

В дверном проеме стоял человек столь необычной внешности, что я не вскрикнул лишь потому, что с детства был приучен к сдержанности. Старый, с белой бородой и в поношенной одежде, хозяин дома внушал удивление и уважение своим видом и телосложением. Ростом он был примерно метр восемьдесят и, несмотря на возраст и явную нищету, казался крепким и энергичным. Лицо, почти полностью скрытое длинной бородой, росшей чуть ли не от самых глаз, казалось неестественно румяным и не столь морщинистым, как следовало ожидать; над высоким лбом торчала копна седых волос, лишь чуть поредевшая с годами. Взгляд голубых глаз, слегка налитых кровью, казался пронзительным и даже пылающим. Если бы не чудовищная неряшливость, старик производил бы впечатление важной персоны. Эта неряшливость, даже при таких лице и фигуре, делала его внешность отталкивающей. Невозможно было определить, что представляла собой его одежда, ибо мне она показалась массой каких-то лохмотьев, колышущейся над высокими, тяжелыми ботинками; его же личная нечистоплотность вообще не поддается описанию.

Появление этого человека и тот инстинктивный страх, который он внушал, заставляли меня ожидать какой-то враждебности, потому я почти вздрогнул от изумления и проникся ощущением несообразности, когда он указал рукой в сторону стула и обратился ко мне тонким, слабым голосом, полным льстивого почтения и услужливости. Речь его была весьма любопытной — крайне ярко выраженная форма североамериканского диалекта, который, как мне казалось, давно вышел из употребления, — и я внимательно вслушивался в нее, пока он усаживался напротив меня, чтобы побеседовать.

— Попали под дождь, да? — произнес он в качестве приветствия. — Рад, что вы оказались неподалеку и догадались заглянуть. Похоже, я спал, иначе бы услышал, как вы вошли. Годы уже не те, хочется вздремнуть даже днем. Путешеству-

Картинка в доме

ете? С тех пор, как отменили дилижанс на Аркхем, редко доводится видеть кого-то на этой дороге.

Я ответил, что направляюсь в Аркхем, и извинился за грубое вторжение в его жилище, после чего он продолжил:

— Рад видеть вас, молодой сэръ... в здешних местах редко доводится видеть нового человека, и поболтать не с кем. Похоже, вы из Бостона, да? Я там никогда не был, но человека из города видно сразу... в восемьдесят четвертом приезжал к нам сюда один школьный учитель, но потом пропал внезапно, и с тех пор никто о нем не слышал...

При этих словах старик захихикал, но не ответил на мой уточняющий вопрос об учителе. Похоже, он пребывал в игривом расположении духа, но все же от него можно было ожидать чудачества. Некоторое время он продолжал нести какой-то вздор, пребывая в состоянии преувеличенного радушия, пока мне не пришло в голову поинтересоваться, каким образом у него оказалась столь редкая книга, как «Regnum Congo» Пигафетты. Я все еще пребывал под впечатлением от этой книги и испытывал некоторое колебание, прежде чем спросить о ней, однако любопытство победило страхи, что постепенно накапливались с того момента, когда я впервые увидел этот дом. К моему облегчению, этот вопрос не озадачил его, ибо старик свободно и легко продолжил болтовню:

— А, эта книга про Африку? В шестьдесят восьмом выторговал ее у капитана Эбenezера Холта — а потом он был убит на войне.

Упоминание Эбenezера Холта заставило меня резко взглянуть на старика. Я уже встречал это имя в своих генеалогических изысканиях, и все упоминания относились исключительно к периоду до войны за независимость. Подумав, что хозяин дома может оказать помощь в моих изысканиях, я решил позже расспросить его подробнее. Между тем он продолжал:

— Эбenezер долгое время ходил на сале́мском торговом судне и покупал в портах всякие забавные вещицы. Эту привез, думаю, из Лондона — любил он захаживать во всякие

местные магазины... Как-то раз я был у него дома — это на холме, он там лошаадьми торговал, — и увидел эту книгу. Мне в ней картинки понравились, и я ее выменял. Она чудная... дайте-ка надеть очки...

Старик покопался в лохмотьях и извлек грязные и подлинно антикварные очки — с маленькими восьмиугольными линзами в стальной оправе. Нацепив их на нос, он потянулся к лежавшей на столе книге и принялся аккуратно, почти любовно листать ее.

— Эбенезер немного читал на этой... на латыни, а я вот не научился. Я просил нескольких школьных учителей почитать мне немного, и еще Пэссона Кларка... говорят, он потом утонул... а вы что-нибудь в этом понимаете?

Я ответил, что да, и перевел ему один из первых абзацев. Если я где и ошибся, старик все равно не мог этого заметить, и при этом он почти по-детски радовался моему переводу. Между тем находиться совсем рядом с ним становилось все более невыносимо, но я не видел способа избежать этого, не обижая старика. Меня забавляла детская увлеченность этого пожилого человека картинками в книге, которую он не мог прочесть, и я задавался вопросом, может ли он прочесть те немногочисленные английские книги, что украшают комнату. Эта демонстрация простодушия почти отменила мои смутные опасения, и я с улыбкой продолжал слушать болтовню хозяина дома.

— А странно все-таки, что картинки могут наводить на всякие мысли. Взять хотя бы эту, в самом начале. Вы когда-нибудь видели такие деревья — с большими листьями, которые качаются вверх-вниз? Или вот эти люди: это не могут быть негры — те совсем не такие. Скорее индусы, даже если они в Африке. Из этих вот некоторые похожи на обезьян — или наполовину обезьяны, наполовину люди. А про таких чудищ я никогда не слышал. — В этом месте он ткнул в очередное порождение фантазии художника, изобразившего нечто вроде дракона с головой крокодила. — Но сейчас я покажу вам самую лучшую — вот тут, почти в середине...

Картинка в доме

Голос старика стал чуть глуше, а в глазах появился блеск; его подрагивающие пальцы сделались еще более неуклюжими, чем ранее, но со своей задачей справились. Книга раскрылась почти сама, как будто ее особенно часто открывали именно на этом месте — на той самой двенадцатой иллюстрации, где была изображена лавка мясника-каннибала из Анзику. Ощущение беспокойства вернулось ко мне, хотя я постарался этого не показывать. Особо нелепым казалось то, что художник изображал африканцев совсем как белых людей — части тел, свисавшие со стен лавки, выглядели омерзительными, тогда как мясник с топором на их фоне смотрелся крайне неуместно. Но хозяину дома, похоже, эта иллюстрация нравилась настолько же, насколько мне внушала отвращение.

— Ну, что думаете об этом? Небось, никогда ничего подобного не видели, а? Я как только это увидел, так сказал Эбу Холту: «На это как глянешь — сразу чувствуешь, как кровь по жилам бежит». Когда я читал в Библии про убийства — про истребление мадианитян, например, — то мог только подумать, но не представить картинку. А здесь сразу видно, как все это делается — грех, конечно, но разве все мы не родились в грехе и не живем в нем?.. Этот парень, которого на куски порубили — я как гляну на него, так кровь по жилам быстрее бежит. Я подолгу смотрю на это — видишь, как мясник ему ноги оттяпал? Вот его голова на лавке, рядом с ней одна рука, а другая — с другой стороны, висит на стене.

Пока старик бормотал все это в шокирующем экстазе, выражение его заросшего лица в очках неописуемо изменялось, а голос становился тише. Не берусь описать, какие я при этом испытывал чувства. Весь тот ужас, который я смутно ощущал, нахлынул вдруг с новой силой, и я осознал, что ненавижу это древнее и гнусное существо, сидящее так близко ко мне. Его безумие или, во всяком случае, почти патологическая извращенность стали для меня очевидными. Он перешел почти на шепот и говорил с хрипотцой, которая была ужаснее крика, а я, дрожа всем телом, продолжал слушать его.

— Вот я и говорю — странно, что эти картинки наводят на мысли. Знаете, молодой сэръ, ведь на этой картинке почти про меня. После того как я забрал у Эба эту книгу, я помногу смотрел ее, особенно послушав воскресную проповедь Пэссона Кларка — он читал их в большом парике. И однажды я попробовал кое-что забавное — только не бойтесь, молодой сэръ, потому как все, что я сделал, это просто посмотрел на эту картинку, перед тем как зарезать овцу, которую затем отвез на рынок... так вот, гораздо веселее убивать после того как согласишься на такое...

Голос старика стал совсем тихим, так что я едва различал произносимые им слова. Я слышал дождь, стук капель по маленьким тусклым оконным стеклам, и вдруг прозвучали раскаты грома, хотя гроза была крайней редкостью для этого времени года. Затем с ужасающей вспышкой и оглушительным грохотом рядом ударила молния, сотрясая ветхий домишко до самого основания, однако мой нашептывающий собеседник, казалось, ничего не заметил.

— Как посмотрел, прирезать овцу стало немного веселее, но все равно этого было как-то недостаточно. Странно чувствовать, как тебя охватывает жажда чего-то такого, особенного... Если вы, молодой человек, любите Господа нашего всемогущего, то никому не рассказывайте, но я поведаю вам правду... глядел я на эту картинку, и внутри у меня поднимался голод по такой пище, которую я не мог ни купить, ни получить еще как-то... да сидите же спокойно, что с вами?.. Я же не сделал ничего такого, только подумал, а что, если сделаю?.. Говорят, что мясо питает нашу плоть и кровь, дает нам новую жизнь, вот я и подумал, что человек может жить значительно дольше, если будет есть сродное самому себе...

Но продолжения фразы не последовало. Старик прервался не из-за моего страха и не из-за усиливавшейся грозы. Произошло это по самой простой и совершенно неожиданной причине.

Между нами лежала та самая книга, раскрытая на омерзительной иллюстрации. Как только старик прошептал «самому

Картинка в доме

себе», я услышал слабый звук, похожий на легкий шлепок, и на пожелтевшей странице появилось пятно. Я подумал о дожде и протекающей крыше, но дождь не бывает красным. Поблескивающее на изображении лавки мясника каннибалов королевства Анзику маленькое красное пятнышко придавало кошмарной сцене на старинной гравюре особую достоверность. Старик тоже увидел пятно и тут же замолчал, еще до того, как выражение ужаса на моем лице заставило бы его сделать это; он быстро поднял взгляд к потолку — полу той комнаты, которую он покинул менее часа назад. Я проследил за его взглядом и увидел над нами, на отслаивающейся штукатурке старого потолка, большое темно-красное пятно, которое, как мне показалось, расширялось буквально на глазах. Я не закричал и даже не двинулся с места, а лишь крепко закрыл глаза. Мгновение спустя раздался неимоверно громкий удар грома; чудовищной силы удар молнии сокрушил этот проклятый дом со всеми его жуткими тайнами и принес мне забвенье — то единственное, что могло спасти мою душу.